

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

«МАСТЕР И МАРГАРИТА»

РОМАН МИХАИЛА БУЛГАКОВА

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Александр РАЗУМОВ

Александр Сергеевич Разумов
«Мастер и Маргарита».
Роман Михаила Булгакова
о времени и о себе
Серия «Литература и история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74194261

«Мастер и Маргарита». Роман Михаила Булгакова о времени и о себе /

Александр Разумов: Вече; Москва; 2026

ISBN 978-5-4484-6027-2

Аннотация

Творчество Михаила Булгакова – это своеобразная хроника эпохи, переплетённая с мифологией, ироничным взглядом на происходящее и острейшей социальной критикой. В своей литературной деятельности он тонко и часто болезненно осмыслил переломные моменты российской истории.

Роман «Мастер и Маргарита» стал творческим итогом Михаила Афанасьевича Булгакова. В этом произведении получили продолжение и завершились важнейшие для Булгакова мотивы и стилистические искания, а также его размышления о времени и о себе. Как считает Александр Разумов, в произведении Булгакова зашифрованы события эпохи и люди,

окружавшие писателя. Чтобы понять глубинную идею, которую Булгаков вложил в своё главное произведение, необходимо разгадать эти шифры.

Александр Разумов, опираясь на тексты ранних редакций романа, дневниковые записи Михаила Булгакова и его жены Елены Сергеевны, а также на воспоминания современников писателя, постарался раскрыть эти тайны. Его исследование позволяет не только понять авторскую идею, спрятанную в «древних» главах романа, но и узнать реальные прототипы всех персонажей «Мастера и Маргариты» – от Воланда, Коровьева и кота Бегемота до Алоизия Могарыча, Фриды и Аннушки-Чумы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	6
Часть 1	14
Глава 1.1	14
Глава 1.2	23
Глава 1.3	33
Глава 1.4	47
Глава 1.5	63
Глава 1.6	68
Глава 1.7	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Разумов
«Мастер и Маргарита».
Роман Михаила Булгакова
о времени и о себе

*«...и поставил Его выше всего,
Главою Церкви, которая есть Тело Его...»
[Еф. 1, 22]*

Серия «Литература и история»

© Разумов А.С., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Введение

Почти шестьдесят лет прошло с тех пор, когда в двух номерах журнала «Москва» – в № 11 за 1966 год и в № 1 за 1967 год – был впервые опубликован роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Однако философские темы и библейские мотивы этого мистического и сатирического произведения до сих пор служат предметом споров читателей, филологов, философов.

О «Мастере и Маргарите» говорят, что это роман в романе, имея в виду, что внутри романа Булгакова о современной писателю Москве есть роман Мастера о событиях, произошедших в древнем Ершалаиме. Так как «древние» главы были включены автором в это произведение не случайно, то среди исследователей и многочисленных читателей давно идёт спор, как правильно связать эти два романа, из которых один находится внутри другого.

У меня, как и у многих из тех, кто с интересом читал и с удовольствием перечитывает «Мастера и Маргариту», тоже есть своё мнение о главном произведении Михаила Афанасьевича, и с этим мнением предлагаю вам ознакомиться.

Никто почему-то не заметил, что характеристика «роман в романе», которую писатель Константин Симонов дал булгаковскому роману, является неполной. Правильно будет на-

звать это произведение не романом в романе, а романом, внутри «московских» глав которого находятся «древние» главы романа Мастера о Понтии Пилате, а внутри «древних» глав есть ещё один – третий роман, и автором этого третьего романа является бывший сборщик податей Левий Матвей. Третий роман – это записи на пергаменте Левия Матвея о жизни и изречениях Иешуа Га-Ноцри. То есть роман «Мастер и Маргарита» – это что-то вроде русской матрёшки. Включение в рассмотрение третьего романа, из которого нам известны только несколько строк, существенно упрощает поиск основной идеи всего произведения. Ведь искать эту идею теперь надо не только в событиях «древних» глав, но и в нескольких предложениях на пергаменте Левия, над которыми склонился Пилат, силясь их понять.

«Пилат поглядел на широкое лезвие, попробовал пальцем, остёр ли нож, зачем-то и сказал:

– Насчёт ножа не беспокойся, нож вернут в лавку. А теперь мне нужно второе: покажи хартию, которую ты носишь с собой и где записаны слова Иешуа.

Левий с ненавистью поглядел на Пилата и улыбнулся столь недоброй улыбкой, что лицо его обезобразилось совершенно.

– Всё хотите отнять? И последнее, что имею? – спросил он.

– Я не сказал тебе – отдай, – ответил Пилат, – я сказал – покажи.

Левий порылся за пазухой и вынул свиток пергамента. Пилат взял его, развернул, расстелил между огнями и, шурясь, стал изучать малоразборчивые чернильные знаки. Трудно было понять эти корявые строчки, и Пилат морщился и склонялся к самому пергаменту, водил пальцем по строкам. Ему удалось всё-таки разобрать, что записанное представляет собой несвязанную цепь каких-то изречений, каких-то дат, хозяйственных заметок и поэтических отрывков. Кое-что Пилат прочёл: «Смерти нет... Вчера мы ели сладкие весенние буккуроты...»

Гримасничая от напряжения, Пилат шурился, читал: «Мы увидим чистую реку воды жизни... Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл...»

Тут Пилат вздрогнул. В последних строчках пергамента он разобрал слова: «...большого порока... трусость».

Пилат свернул пергамент и резким движением подал его Левию».

Думаю, не надо объяснять, что Михаил Афанасьевич, много лет работавший над сравнительно небольшим по объёму произведением, далеко не случайно именно эти фразы вставил в пергамент Левия Матвея. Остаётся только разгадать, как смысл фраз, над которыми задумался Пилат, связан с сюжетом «московских» и «древних» глав, и перед вами предстанет религиозно-философская идея романа «Мастер и Маргарита» во всей её глубине.

В том, что мистики в романе никакой нет, вы убедитесь уже скоро, так как разбор событий романа начну как раз с разъяснений, что за люди, которые в 30-е годы жили рядом с писателем и драматургом Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, скрываются за образами Коровьева, кота Бегемота, Геллы, Стёпы Лиходеева, Варенухи, Римского и других персонажей романа.

А вот с Воландом всё сложнее. Но Воланд – он на то и Воланд, чтобы менять свои обличья. Поэтому в различных эпизодах «Мастера и Маргариты» за образом князя тьмы стоят разные, совершенно не похожие друг на друга личности из современной Булгакову Москвы:

– в большинстве эпизодов второй части романа это руководитель наиболее секретного Специального отдела ОГПУ, который сообщает Мастеру, вырвавшемуся из атмосферы сумасшедшего дома, что о его романе сложилось благоприятное мнение и что теперь он может наслаждаться покоем вместе со своей возлюбленной. Но Мастер, покинувший Москву в свите Воланда, не дописал свой роман о Пилате, и когда на страницах этих исследований мы подойдем к главной идее, которую Михаил Булгаков заложил в это произведение, то вам станет ясно, почему Мастер одной только фразой: *«Свободен! Свободен! Он ждёт тебя!»* – и заканчивает свой роман, и освобождает от многовековых тревожных размышлений одиноко сидящего среди камней Пилата;

– если раньше, читая роман, вы посмеивались над продел-

ками кота Бегемота во время игры в шахматы с Воландом, то скоро поймёте, что смешного в этой игре было мало. Человечек, являющийся прообразом кота Бегемота, затеял что-то вроде шахматной партии не с кем-нибудь, а с руководителем огромной страны;

– вы, конечно, удивитесь, но к двум литераторам, которые жарким вечером вели беседу о Христе на скамейке у Патриарших прудов, подсел никакой не консультант, не шпион и даже не профессор, фамилию которого поэт Иван Бездомный так и не разобрал, а сам автор романа о Мастере и Маргарите. Булгаков своим романом о крестной смерти Иешуа Га-Ноцри вмешался в беседу двух литераторов, потому что ему было что сказать тем, кто посчитал, что он всё знает о Христе и религии, и живо откликнулся на проводимую большевиками борьбу с христианством.

Роман «Мастер и Маргарита» – это интереснейшее и увлекательное изложение фактов из биографии самого писателя, а также взглядов Булгакова на некоторые важнейшие события, свидетелем которых он был. То есть роман не только автобиографический, но это ещё и роман-хроника, события в котором выстроены в том порядке, что и аналогичные им события, произошедшие в реальной жизни.

Высказывания о романе чаще всего звучат так:

- роман этот – о верной и жертвенной любви Маргариты и Мастера, которая что-то там преодолевает;
- он – о мужестве человека-творца, который перед кем-то

там не прогнулся;

– роман Булгакова – это произведение о борьбе добра со злом, которая разворачивается на страницах «Мастера и Маргариты».

При этом совершенно не разъясняется, кто с кем борется на страницах романа, кто тот положительный персонаж, победивший в этой борьбе, и в чём заключается эта победа.

Но этими и подобными им характеристиками романа наполнены не только монографии и исследовательские статьи, но и методические пособия для школьных учителей, которым необходимо на уроках – а роман «Мастер и Маргарита» включён в программу средней школы – заложить в сознание юных граждан знания о произведении, которое сам Михаил Афанасьевич считал главным в своём творчестве.

И никого почему-то не удивляет, что те же специалисты-булгаковеды, которые либо лично, либо через свои статьи и монографии поучаствовали в составлении методических пособий для школьных преподавателей, часто называют «древние» главы романа «евангелием от Воланда». То есть отношение к христианской вере и к Церкви у нас таково, что мы совершенно терпимо воспринимаем то, что о Христе школьники старших классов узнают не из текста Нового Завета, а из глав романа о Маргарите и Мастере, которые многими верующими воспринимаются как евангелие от дьявола или евангелие от Сатаны.

Если в «московских» главах под борющимся со злом че-

ловеком-творцом понимать Мастера, то напомним, что этот герой сначала прячется от обстоятельств жизни в сумасшедшем доме, а в конце романа покидает Москву в свите Воланда. Поэтому рассуждения литературоведов, что этот «человек-творец», который избегает любых осложнений, ни перед кем не прогнулся, может вызвать только удивление.

Но не спешите строго судить Мастера, ведь вам ещё неизвестны имена людей, чьи поступки писатель в иносказательной форме отобразил в сюжете романа, и вы не всё знаете об обстоятельствах, в которых работал Булгаков, а значит, не всё знаете и о том «сумасшедшем доме», в котором оказался автор, работая над автобиографическим романом-хроникой.

Так что же хотел сказать своим читателям писатель Михаил Булгаков историей Иешуа Га-Ноцри?

Только верный ответ на этот вопрос даст возможность разобраться с главной темой того произведения, к внимательному изучению которого мы сейчас приступаем. И начну излагать перед вами результаты своих исследований с расшифровки имён современников Булгакова, чьи дела и поступки являются основой «московских» глав романа.

Цитируемые в этих исследованиях отрывки из различных редакций романа взяты из книги «КНЯЗЬ ТЬМЫ. Полная история «Мастера и Маргариты». Издательство «Азбука», 2018 год.

В этот сборник, кроме окончательной и полной рукописной редакции «Мастера и Маргариты», составители включи-

ли и более ранние варианты этого произведения, которые в сборнике имеют следующие названия:

1. «Черный маг». Черновики романа. Тетрадь 1, 1928–1929 гг.
2. «Копыто инженера». Черновики романа. Тетрадь 2, 1928–1929 гг.
3. «Вечер страшной субботы». Черновые наброски к роману, 1929–1931 гг.
4. «Великий канцлер». Полная рукописная редакция.
5. «Фантастический роман». Главы, дописанные и переработанные, 1934–1936 гг.
6. «Золотое копьё». Незавершённая рукопись.
7. «Князь тьмы». Роман. Первые тринадцать глав.
8. «Мастер и Маргарита». Роман. Полная рукописная редакция.
9. «Мастер и Маргарита». Окончательная редакция.

Часть 1

История одного стихотворения

Глава 1.1

Коровьев, он же – Фагот

Роман «Мастер и Маргарита» начинается с того, что присевший на скамейку у Патриарших прудов председатель правления МАССОЛИТА Михаил Александрович Берлиоз видит перед собой возникшего из воздуха человека-призрака, который позже, в разговоре с председателем жилтоварищества Никанором Ивановичем Босым, представится Коровьевым.

Писатель не случайно начал череду фантастических событий с появления именно этого персонажа. Дело в том, что поступки человека, которого Булгаков скрыл за образом Коровьева, легли в основу целого ряда мистических сцен в сюжете романа. Прежде чем приступить к разгадке этого образа, напомним, что читатели узнают о Коровьеве из текста «Мастера и Маргариты».

Первое. Этот *худой неимоверно человек в клетчатом кургузом пиджачке и с глумливой физиономией* назван автором-рассказчиком регентом, то есть руководителем хора.

Второе. У Коровьева есть и другое имя – Фагот. Это имя известно не всем, но именно так к нему обращаются и сам Воланд, и члены его свиты.

И, наконец, третье. Во время бегства нечистой силы из Москвы, отвечая на вопрос Маргариты, Воланд даёт следующее объяснение чудесному превращению Коровьева – Фагота, самозванного переводчика при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте, в темно-фиолетового рыцаря с мрачным и никогда не улыбающимся лицом:

«Вряд ли теперь узнали бы Коровьева – Фагота, самозванного переводчика при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте, в том, кто теперь летел непосредственно рядом с Воландом по правую руку подружки мастера. На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьёвы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотой цепью поводка, тёмно-фиолетовый рыцарь с мрачным и никогда не улыбающимся лицом. Он упёрся подбородком в грудь, он не глядел на луну, он не интересовался землёю, он думал о чём-то своём, летя рядом с Воландом.

– Почему он так изменился? – спросила тихо Маргарита под свист ветра у Воланда.

– Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, – ответил Воланд, поворачивая к Маргарите своё лицо с тихо горящим глазом, – его каламбур, который он сочинил, разговаривая о

свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого простутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счёты. Рыцарь свой счёт оплатил и закрыл».

Так кто же из современников писателя мог быть прообразом тёмно-фиолетового рыцаря? Кто отвечает всем приметам, по которым следует искать прототип такой нечестии из романа Булгакова, как Коровьев? Кто к лету 1938 года, когда Михаил Афанасьевич диктовал машинистке окончательную редакцию романа, *свой счёт оплатил и закрыл?*

Думаю, вы удивитесь, но прототипом Коровьева – Фагота в романе «Мастер и Маргарита» стал поэт Осип Мандельштам, который в мае 1934 года был приговорён к трём годам ссылки, и к моменту написания окончательной редакции романа ссылка Мандельштама уже закончилась.

Первое, что наводит на мысль, что за образом Коровьева скрывается Мандельштам, является странное имя Фагот, которое, как отмечалось выше, было известно только Воланду и его свите.

Дело в том, что весной 1929 года Мандельштам обратился в Центральное государственное издательство с предложением подготовить к печати повесть со странным для литературного произведения названием – «Фагот». Текст заявки без труда можно найти и в собрании сочинений поэта, и в Интернете.

Осип Эмильевич так сформулировал сюжет будущего

произведения:

«В основу произведения положена «семейная хроника». Отправная точка – Киев эпохи убийства Столыпина. Присяжный поверенный, ведущий дела крупных подрядчиков, его клиенты, мелкие сошки, тёмные люди – даны марионетками, на крошечной площадке с чрезвычайно пёстрым социальным составом героев разворачивается действие эпохи – специфический воздух «десятих годов».

Главный персонаж – оркестрант киевской оперы – «Фагот». До известной степени повторяется приём «Египетской марки»: показ эпохи сквозь «птичий глаз». Отличие «Фагота» от «Египетской марки» – в его строгой документальности, вплоть до использования кляузных деловых архивов. Второе действие – поиски утерянной неизвестной песенки Шуберта – позволяет дать в историческом плане музыкальную тему (Германия)».

Заявка Мандельштама была отклонена, и повесть «Фагот» не была написана. Но о том, что у Осипа Эмильевича такие планы были, знали в кругу его близких друзей.

Но как об этих неосуществлённых планах поэта смог узнать Михаил Булгаков? О планах написания повести с названием «Фагот» знала Анна Андреевна Ахматова, которая высоко ценила поэтический талант Мандельштама, была близким другом Осипа Эмильевича и его жены Надежды Яковлевны и вместе с Мандельштамом входила в группу

поэтов-акмеистов, основанную её мужем Николаем Гумилёвым.

Среди поэтов Серебряного века акмеизм насчитывает шестерых наиболее активных участников этого течения: Н. Гумилёв, А. Ахматова, О. Мандельштам, С. Городецкий, М. Зенкевич и В. Нарбут. После смерти Гумилёва именно Мандельштам стал лидером этой группы, причём с Анной Андреевной Ахматовой Осипа Эмильевича связывали наиболее доверительные отношения. Так, на седьмую годовщину гибели Николая Степановича Гумилёва Мандельштам написал ей:

«Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми: с Николаем Степановичем и с Вами».

Знакомство Михаила Булгакова с поэтессой Анной Ахматовой состоялось в мае 1933 года, когда писатель со своей третьей женой Еленой Сергеевной Булгаковой во время поездки в Ленинград были в гостях у художника Радлова, где в тот день была и Ахматова. С момента первой встречи между писателем и поэтессой установились крепкие доверительные отношения.

В 1933 году Булгаков работал над более ранней редакцией романа, который носил название «Великий канцлер», и тогда же у Радловых он, по-видимому, узнал от Анны Андреевны, что Мандельштам планировал написать повесть «Фагот». Поэтому в рукописях «Великого канцлера» Воланд впервые

называет Коровьева Фаготом. Причём обратился так Воланд к Коровьеву не во время сеанса чёрной и белой магии, а позднее, когда буфетчик театра пришёл с фальшивыми деньгами в «нехорошую квартиру». Судя по датам, оставленным на некоторых страницах «Великого канцлера», эпизод с визитом буфетчика для этой редакции романа был написан в сентябре 1933 года, то есть вскоре после знакомства Михаила Булгакова с Анной Ахматовой.

Осень 1933 года – как раз то время, когда завершалось строительство писательского кооперативного дома в Нащокинском переулке, куда Михаил Афанасьевич должен был въехать со своей женой Еленой Сергеевной и пасынком Серёжей. Но в этом же доме – только в соседнем подъезде – должен был получить квартиру и Осип Мандельштам. О том, что Мандельштамы скоро переедут в новую квартиру, не могла не знать Анна Ахматова. Соседство с Мандельштамом никого из членов писательского кооператива не радовало, поэтому вопрос, откуда Осип Эмильевич возьмёт деньги для уплаты паевого взноса, волновал всех членов того кооператива, и Михаила Булгакова в том числе. Разъясняя Михаилу Афанасьевичу, что написал и что собирался написать Мандельштам, Анна Андреевна, видимо, и рассказала о планах Мандельштама написать повесть «Фагот».

Таким образом, первым доказательством, что в романе за образом Коровьева мог бы скрываться поэт Осип Мандельштам, является второе имя Коровьева – Фагот, которое свя-

зано с названием не написанной Осипом Эмильевичем повести.

Другим доказательством того, что за образом Фагота – Коровьева скрывается поэт Осип Мандельштам, могут являться слова автора-рассказчика о Коровьеве как о самозваном переводчике при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте. Дам пояснения, с чем могут быть связаны эти авторские слова.

По мере того как сторонников Троцкого всё дальше и дальше отодвигали от руководящих должностей в стране и в партии, жизнь Осипа Эмильевича становилась всё хуже и хуже. С середины 20-х годов его перестали печатать – вернее, переиздавать, так как стихи в то время Осип Эмильевич не писал. О поэте Мандельштаме стали вспоминать только после публикации стихотворного цикла «Армения», но это уже произошло в начале 30-х годов. А во второй половине 20-х, чтобы поправить своё материальное положение, 3 мая 1927 года Мандельштам заключил с издательством «Земля и Фабрика» договор на редактирование русского перевода романа Де Костера о Тиле Уленшпигеле.

Но Осип Эмильевич не знал языка оригинала, а источники русского текста договором не обуславливались. Поэтому, когда в сентябре 1928 года вышло новое издание «Тили Уленшпигеля», на первой странице которого было указано, что переводчиком является Осип Мандельштам, разразился скандал.

Как оказалось, Мандельштам делал свой «перевод» на основе двух имеющихся на тот момент переводов романа Шарля Де Костера: он использовал перевод В.Н. Карякина, который увидел свет в 1916 году, и перевод А.Г. Горнфельда 1919 года. Вот из этих двух переводов Мандельштам и слепил своего «Уленшпигеля».

А почему не знающий языка оригинала Мандельштам решил на свой манер переиначить роман Шарля Де Костера? Дело в том, что Осип Эмильевич считал, что дореволюционные переводы литературной классики в новых исторических условиях следует пересмотреть и исключить из классических произведений всё, что может быть неверно понято рядовым читателем (или, как тогда говорили, пролетарскими массами). Поэтому в своём «перевode» Осип Эмильевич либо исключил то, что связано с церковью и с религией, либо эти темы очернил. (Сейчас этот факт признают даже исследователи творчества Мандельштама.) Но мало того что Мандельштам подверг текст Шарля Де Костера цензуре. Ни Карякин, ни Горнфельд не знали, что Мандельштам взялся редактировать их переводы, поэтому они ни копейки от того издания не получили.

Скандал был долгим и громким. В возникшем споре Мандельштам яростно отстаивал свою точку зрения о необходимости вычёркивать из мировой классики всё, что противоречит интересам победившего пролетариата. Этот скандал даже выплеснулся на страницы центральных газет. Поэтому с

уверенностью можно сказать, что о казусе с переводом Уленшпигеля точно знал Михаил Афанасьевич Булгаков. И, как напоминание об этом скандале, в самом начале походов нечистой силы по Москве Коровьев представляется председателю жилтоварищества Никанору Ивановичу Босому переводчиком при капризном иностранце.

Теперь о неудачной шутке тёмно-фиолетового рыцаря, о которой Воланд говорит Маргарите.

Глава 1.2

Неудачная шутка Мандельштама

Наиболее интересные сведения об Осипе Эмильевиче собраны в мемуарах Эммы Григорьевны Герштейн, которая была знакома с Мандельштамом с осени 1928 года. Сам поэт считал Эмму Герштейн чуть ли не членом своей семьи, так как она была в близких отношениях с родным братом жены Мандельштама, Евгением Яковлевичем Хазиным. Жить Мандельштамам в конце 20-х годов было негде, и Эмма Григорьевна даже уступила им на время свою комнату, а сама ночевала у мамы. Вот что она пишет о тех днях:

«В своём воинствующем отчаянии Осип Эмильевич быстро превратил мою комнату в всклокоченный ад. Белая занавесочка на окне? – И вот она сорвана с одного гвоздя и прицеплена уже косо. Чистое полотенце на кровати? – ногами его, нечищеными ботинками. Он опускался страстно, самый этот процесс был для него активным действием.

Главным занятием его было беганье к телефону. Если кто-нибудь заставлял его в этот момент в коридоре, он, закончив разговор, важно удалялся в комнату с поднятой головой. Мама говорила, что в этой его манере сквозила ущемлённая гордость».

Эта ущемлённая гордость и стала причиной очередного

скандала, связанного с именем Мандельштама, о котором Воланд говорит Маргарите, как о неудачной шутке.

В самом начале тридцатых годов Мандельштамы получили наконец комнату в писательском жилом флигеле Дома Герцена на Тверском бульваре. По свидетельству Эммы Григорьевны Герштейн, одним из занятий Осипа Эмильевича в это время было, стоя у окна, бросать оскорбительные замечания тем соседям-писателям, которые проходили по двору Дома Герцена. Понятно, что из-за подобного поведения до скандала было недалеко. И скандал вскоре разразился. Вот как начало конфликта описала в своих мемуарах Эмма Герштейн:

«Внизу рядом с Мандельштамами жил поэт Амир Саргиджан (Амир Саргиджан – литературный псевдоним автора исторических романов Сергея Петровича Бородина. – А.Р.). С ним Мандельштамы были в приятельских отношениях, соседи ходили друг к другу. И вот Саргиджан взял у Осипа Эмильевича займы 75 рублей и не отдал. Это бесило Мандельштама, денег, конечно, у него уже не было. Стоя по своей привычке у окна и беспокойно разглядывая прохожих, он увидел, что жена Саргиджана возвращается домой, неся корзинку со снедью и двумя бутылками вина. Он закричал во весь двор:

– Вот, молодой поэт не отдаёт старшему товарищу долг, а сам приглашает гостей и распивает с ними вино!

Поднялся шум, ссора, кончившаяся требованием женщи-

ны, чтобы Саргиджан побил Мандельштама. Тот так и поступил, причём ударил и Надю.

Мандельштам потребовал товарищеского суда. Надя расхаживала перед Домом Герцена, демонстрируя свои синяки, и каждому знакомому заявляла с просветлёнными весёлыми глазами: «Меня избил Саргиджан, Саргиджан избил Мандельштама...» И когда в Доме Герцена был устроен товарищеский суд, маленькая комнатка была набита до отказа. Председательствовал Алексей Толстой».

Драку между семьёй Саргиджана и семьёй Мандельштама Михаил Булгаков запечатлел в коротком эпизоде из редакции романа «Великий канцлер». За дракой наблюдает превратившаяся в ведьму Маргарита:

«...Окно смрадной кухни было открыто настежь, и Маргарита влетела в него, согнув голову под сырой сорочкой, висевшей на верёвке.

На плите ревели два примуса, и две женищины вели разговор между собой, стоя у синих бешеных огней.

– Вы, Пелагея Павловна, – с грустью сказала одна, – при старом режиме были такой же стервой, как и теперь.

– В суд подам на тебя, проститутка, – отвечала вторая, помешивая кашу в кастрюле.

Маргарита Николаевна поднялась повыше и плюнула в кашу Пелагеи Павловны.

В ту же секунду Пелагея Павловна вцепилась в волосы второй – и та испустила весёлый крик: «Караул!»

В следующие мгновения в кухню вбежал мужчина в ночной рубашке с болтающимися по штанам подтяжками.

— Жену бить! — вскричал он страдальчески. — Жену, — повторил он так страшно, что зазвенела посуда на полке.

Маргарита Николаевна сверху ткнула его каблуком туфельки в зубы, отчего он на секунду умолк, но уже в следующую секунду ринулся на Пелагею Павловну, но оказался в объятиях другого мужчины, вырвавшегося из какой-то двери. Сцепившись с ним тесно, он кубарем покатился по полу кухни, издавая рычание. Маргарита вылила на катающихся ведро жидких помоев, развинтила кран в раковине, отчего с гулом водопада понеслась вода, и вылетела в окно».

Исследователи творчества Мандельштама, пытаясь оправдать последующие действия поэта, говорят, что писатель Алексей Толстой, которому поручили разобраться в возникшем конфликте, был заранее предрасположен против Мандельштама. Однако именно Осип Эмильевич, ещё до того как была утверждена кандидатура председателя товарищеского суда, обратился к Илье Эренбургу с просьбой председательствовать в том суде. Но Эренбург ответил отказом, сославшись на то, что его жена является родственницей (сестрой) жены оскорблённого поэта. Но своей жене Илье Эренбург причину отказа объяснил предельно просто:

«Мандельштам сам деньги в долг берёт, а долги не отдаёт».

Художник Миклашевский позднее записал, что ему ска-

зал Алексей Толстой, когда собрался идти в Дом Герцена на заседание товарищеского суда:

«Не успел я в Москве появиться, как на другой день сейчас же меня в председатели суда выдвинули. Там они все в этом Доме Герцена перессорились, перегрызли друг друга, по трёшнице занимают, потом, конечно не отдают, друг друга подлецами обзывают... А теперь вот тащись после обеда, вместо того чтобы вздремнуть... Разбирай тут, кто прав, кто виноват, распутывай дразги! Но надо тащиться, а то подумают, что зазнался. Беда! Там этот Осип Мандельштам у кого-то трёшницу занял и не отдал или наоборот...»

Интересное воспоминание о заседании того суда оставил Владимир Волькенштейн:

«Толстой с папкой под мышкой поднялся на сцену и сел на приготовленное для него место. Воцарилась тишина. Толстой открыл заседание:

– Мы будем судить диалектики.

Все переглянулись. Раздался тихий ропот. Никто не понял, и сам председатель не знал, что это значит. Начались вопросы, речи, суд протекал как ему положено. Истец, Мандельштам, нервно ходил по сцене. ...После выступления всех, кому это положено, суд удалился на совещание.

Довольно быстро Толстой вернулся и объявил решение суда: суд вменил в обязанность молодому поэту вернуть Осипу Мандельштаму взятые у него сорок рублей. Поэт был не удовлетворён таким

решением и требовал другой формулировки: вернуть сорок рублей, когда это будет возможно. Суд, кажется, принял эту поправку. Щупленький Мандельштам вскочил на стол и, потрясая маленькими кулачком, кричал, что он это так не оставит, что Толстой ему за это ещё ответит».

Эмма Герштейн пишет, что долг был 75 рублей, а Волькенштейн указывает другую сумму долга – 40 рублей. Но, во-первых, Эмма Григорьевна и Владимир Волькенштейн писали свои воспоминания через много лет после тех событий, и, во-вторых, точная величина долга никакого значения в этой истории не имеет. Поэтому не стоит придавать значения этому расхождению в их воспоминаниях.

В течение почти двух лет Осип Эмильевич ждал случая поquitаться с Толстым. К своим планам он привлёк сына Анны Андреевны Ахматовой, Льва Гумилёва, который в тот период сдружился с Мандельштамом.

Лев Николаевич Гумилёв уже тогда серьёзно увлекался историей, ездил в экспедиции, но не мог нигде официально закрепиться, поэтому, имея в распоряжении много свободного времени, часто приезжал из Ленинграда в Москву и подолгу жил в столице у Мандельштамов. Вернее, не у Мандельштамов, так как ночевал он в квартире писателя-сатирика Виктора Ардова, который со своей семьёй жил в одном подъезде с Осипом Эмильевичем. Мандельштам обратился к жене Ардова, актрисе Нине Ольшанской, с просьбой при-

строить у них юношу, и Нина Антоновна согласилась.

Эмма Герштейн, которая была свидетельницей дружбы поэта и молодого историка, пишет, что Льву Николаевичу Гумилёву льстило внимание со стороны Осипа Эмильевича, тем более что Мандельштам много рассказывал о своей былой дружбе с его отцом. Лев Гумилёв с восторгом смотрел на Мандельштама, поэтому с энтузиазмом включился в разработку планов отмщения.

Вот что вспоминает Эмма Григорьевна о действиях заговорщиков, которые искали возможность отомстить Алексею Толстому:

«Лёва должен был подстергать его, чтобы вовремя подать сигнал Мандельштаму. Тогда Осип Эмильевич должен был возникнуть перед «графом» и дать ему пощёчину. В связи с этой затеей оба друга, старый и юный, просиживали в какой-то столовке или забегаловке у Никитских ворот недалеко от дома Алексея Толстого».

Однако осуществить задуманное Мандельштаму удалось только в Ленинграде в конце апреля 1934 года. Свидетельницей произошедшего была писательница Елена Михайловна Тагер, которая за день до описанных ниже событий встретила у знакомых Осипа Эмильевича и хотела с ним переговорить. Но переговорить в тот день не получилось, так как поэт был какой-то уж очень возбуждённый. Однако Мандельштам пригласил Елену Михайловну к определённомu времени

ни прийти на следующий день в ленинградское издательство «Художественной литературы», где они могли бы встретиться.

Мандельштам был, видимо, кем-то проинформирован, что Алексей Толстой в данный момент находится в Ленинграде. А раз Осип Эмильевич пригласил Елену Михайловну Тагер в определённое время прийти в издательство, то ему было заранее известно, что в это время там будет Алексей Толстой.

К назначенному времени Елена Михайлова подошла к редакции. Далее приведу её запись о том, чему она стала свидетельницей:

«...внезапно дверь издательства распахнулась и, чуть не сбив меня с ног, выбежал Мандельштам. Он промчался мимо; за ним Надежда Яковлевна. Опомившись от увиденного, я вошла в издательство и оторопела. То, что я увидела, напоминало последнюю сцену «Ревизора» по неиспорченному замыслу Гоголя. Среди комнаты высилась мощная фигура А.Н. Толстого; он стоял, расставив руки и слегка приоткрыв рот; неописуемое изумление выражалось во всём его существе. В глубине за своим столом застыл С.М. Алянский с видом человека, поражённого громом. К нему обратился всем корпусом Гриша Сорокин, как будто хотел выскочить из-за стола, и замер, не dokonчив движения, с губами, сложенными, чтобы присвистнуть. За ним Стенич, как повторение принца

Гамлета в момент встречи с тенью отца. И ещё несколько писателей в разных формах изумления были расставлены по комнате. Общее молчание, неподвижность, общее выражение беспримерного удивления, всё это действовало гипнотически. Прошло несколько полных секунд, пока я собралась с духом, чтобы спросить:

– Что здесь произошло?

– Мандельштам ударил по лицу Алексея Николаевича.

– Да что вы!

Первым овладел собою Стенич. Он рассказал, что Мандельштам, увидев Толстого, подошёл к нему с протянутой рукой; намерения его были так неясны, что Толстой даже не отстранился. Мандельштам, дотянувшись до него, шлёпнул слегка, будто потрепал по щеке, и произнёс в своей патетической манере: «Я наказал палача, выдавшего ордер на избиение моей жены».

Осип Эмильевич поступил по-рыцарски: он вступился за даму сердца. Поэтому в конце романа «Мастер и Маргарита» Коровьев – Фагот превращается именно в рыцаря.

«– Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, – ответил Воланд, поворачивая к Маргарите своё лицо с тихо горящим глазом».

Неудачной эта шутка названа в романе потому, что публичная пощёчина Толстому приобретала политический смысл. Ведь Алексей Толстой на тот момент был лицом

новой, нарождающейся советской литературы, а существующая система подобные действия против проводников её идей без внимания не оставляла. Впрочем, возможно, именно этого добивался Мандельштам. Вернее, и этого тоже.

Жаль только, что за те два года, пока Осип Эмильевич готовил своё отмищение, оскорблённый поэт так и не вспомнил, что Алексей Николаевич Толстой во время скандала с переводом «Тиля Уленшпигеля» был в ряду тех, кто встал на защиту скандального «переводчика», подписывая письма, оправдывающие Мандельштама.

Через несколько дней после возвращения Осипа Мандельштама из Ленинграда в Москву поэта арестовали.

Глава 1.3

Он жил, под собою не чуя страны

Но на путь к своему аресту Мандельштам встал не тогда, когда пощёчиной оскорбил Алексея Толстого. По свидетельству Михаила Булгакова, которое писатель оставил в тексте романа «Мастер и Маргарита», это произошло тогда, когда, вопреки предупреждающему телефонному звонку из ОГПУ, Осип Эмильевич продолжил читать написанное в ноябре 1933 года стихотворение, начинающееся словами «Мы живём, под собою не чуя страны...», всё новым и новым слушателям. Именно это, сейчас широко известное стихотворение про Сталина, имел в виду Воланд, когда говорил Маргарите, что *«его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош»*.

Стихотворение «Мы живём, под собою не чуя страны...» (это стихотворение ещё называют стихотворением о «кремлёвском горце») было написано Осипом Мандельштамом почти сразу после получения квартиры в писательском доме в Нащокинском переулке. О том, как проходило вселение Мандельштамов в новую квартиру, подробно рассказывает Эмма Герштейн в своих мемуарах.

«Переезд в отдельную двухкомнатную квартиру не был неожиданным. Он готовился исподволь, дебаты велись всю прошлую зиму. Дом был одним

из первых кооперативных, и кандидатуру каждого жильца обсуждали сами писатели. При упоминании фамилии Осипа Мандельштама они стонали: «Ох, этот Мандельштам!» Я возмущалась, что такому большому поэту не дают квартиры, говорила об этом в доме Осмёркиных. А бывший там поэт и прозаик Константин Аристархович Большаков возражал: «Вы поймите: Мандельштам не имеет права на квартиру в писательском кооперативном доме, он даже не член Союза поэтов».

Энергия Мандельштама преодолела все препятствия. Мандельштам был включён в список членов кооператива – кто внёс за него деньги и вообще был ли сделан паевый взнос, не знаю, но какая-то неуверенность чувствовалась и продолжалась до последнего дня. По действующим тогда законам жильца нельзя было выселить, если на спорной площади стоит его кровать. Надя прекрасно это знала, и, как только был назначен день общего вселения, она с ночи дежурила у подъезда, поставив рядом с собой пружинный матрас. Утром, как только двери подъезда открыли, она рванулась со своим матрасом на пятый этаж (дом без лифта) и первая ворвалась в квартиру. (Помогал ли ей кто-нибудь из друзей, не помню.) И вот врезан замок, вселение совершилось.

...Квартира казалась нам очаровательной. Маленькая прихожая, напротив – дверь в крошечную кухню, направо – неопиcуемая роскошь! – ванная, рядом уборная. ...Газовой плиты ещё не было, поэтому

кухня использовалась как третья жилая комната. Она была предназначена для гостей. Стряпали в прихожей на керосинке, а когда плиту наконец привезли, то её установили там же.

Кроме книг, в каждой комнате стояло по тахте (т. е. чем-нибудь накрытый пружинный матрац), стулья, в большой комнате простой стол и на нем телефон. Эта пустота и была очаровательна.

Конечно, во всём доме была прекрасная слышимость. Комната Осипа Эмильевича (большая) граничила с соседней квартирой из другого подъезда, откуда постоянно слышались стоны гавайской гитары.

Стены были проложены войлоком, из-за этого квартира, очень хорошо отапливаемая, была полна моли. Все пытались её ловить, хлопая руками».

По воспоминаниям Надежды Яковлевны Мандельштам, в ответ на слова Бориса Пастернака: «Ну вот, теперь и квартира есть – можно писать стихи», – Мандельштам пришёл в ярость и, как заметил автор книги о Мандельштаме в серии «Жизнь замечательных людей» Олег Лекманов¹:

«Вместо законной радости, вселение в новую квартиру одарило поэта тяжким чувством жгучего стыда и раскаяния. Чуть ли не впервые в жизни Мандельштам ощутил себя приспособленцем и предателем, чуть ли не впервые ощутил себя писателем. А платой за предательство – эквивалентом тридцати

¹ Олег Лекманов в октябре 2024 года включён в список иноагентов.

сребреников — послужила халтурная писательская квартира в Нащокинском переулке».

Позднее Эмма Григорьевна узнает от жены поэта, Надежды Яковлевны Мандельштам, что, кроме стихотворения о «кремлёвском горце», в вину поэту ставится и стихотворение, начинающееся словами «Квартира тиха, как бумага...», написанное Осипом Эмильевичем сразу после заселения в писательский дом.

А сейчас прочитаем, что пишет Эмма Герштейн о том, при каких обстоятельствах она в ноябре 1933 года впервые услышала резкое стихотворение Мандельштама про Сталина:

«Утром ко мне пришла Надя, можно сказать, влетела. Она заговорила отрывисто. «Ося сочинил очень резкое стихотворение. Его нельзя записать. Никто, кроме меня, его не знает. Нужно, чтобы ещё кто-нибудь его запомнил. Это будете вы. Мы умрём, а вы передадите его потом людям. Ося прочтёт его вам, а потом вы выучите его наизусть со мной. Пока никто не должен об этом знать. Особенно Лёва».

Надя была очень взвинчена. Мы тотчас пошли в Нащокинский. Надя оставила меня наедине с Осипом Эмильевичем в большой комнате. Он прочёл: «Мы живём, под собою не чуя страны» — и т. д. всё до конца — теперь эта эпиграмма на Сталина известна.

— Это комсомольцы будут петь на улицах! — подхватил он сам себя ликующе. — В Большом театре...

на съездах... со всех ярусов... – И он зашагал по комнате.

Обдав меня своим прямым огненным взглядом, он остановился:

– Смотрите – никому. Если дойдёт, меня могут... **РАССТРЕЛЯТЬ!**

И, особенно гордо закинув голову, он снова зашагал взад и вперёд по комнате, на поворотах приподнимаясь на цыпочках.

Мне казалось, что всё это глубоко погребено. До осуждения Мандельштама я ни одному человеку об этом стихотворении не говорила и уж, разумеется, не читала. Но как-то при мне зашёл разговор между Мандельштамами, и Надя безмятежно заявляет, что Нине Николаевне Грин (вдова писателя Александра Грина. – *А.Р.*) больше нравится другой вариант. Вот тебе и раз. Оказывается, я не одна посвящена в тайну».

Другой хороший знакомый Осипа Мандельштама – поэт Борис Кузин – тоже думал, что он первый, кому Мандельштам прочитал своё стихотворение.

«Однажды утром О.Э. прибежал ко мне один (без Н.Я.), в сильном возбуждении, но весёлый. Я понял, что он написал что-то новое, чем было необходимо поделиться. Этим новым оказалось стихотворение о Сталине. Я был потрясён им, и этого не требовалось выражать словами. После паузы остоленения я спросил О.Э., читал ли он это ещё кому-нибудь. «Никому, вам первому. Ну, конечно, Наденька...» Я

в полном смысле умолял О.Э. обещать, что Н.Я. и я останемся единственными, кто знает об этих стихах. В ответ последовал очень весёлый и довольный смех, но всё же обещание никому больше эти стихи не читать О.Э. мне дал. Когда он ушёл, я сразу же подумал, что немыслимо, чтобы эти стихи остались неизвестными по крайней мере Евг. Я. (брату Н.Я.) и Анне Андреевне, при первой же её встрече с О.Э. А Клычкову?

Нет, не сдержит он своего обещания. Слишком уж ему нужно Читателя! Советчика! Врача! Буквально дня через два или три О.Э. со сладчайшей улыбкой, точно бы он съел кусок чудного торта, сообщил мне: «Читал стихи (было понятно, какие) Борису Леонидовичу». У меня оборвалось сердце. Конечно, Б.Л. Пастернак был вне подозрений (как и Ахматова, и Клычков), но около него всегда увивались люди (как и вокруг О.Э.), которым я очень поостерёгся бы говорить что-нибудь. А самое главное – мне стало ясно, что за эти несколько дней О.Э. успел прочитать страшные стихи ещё не одному своему знакомому. Конец этой истории можно было представить безошибочно».

Оттого, что Осип Эмильевич ясно видел, какую опасность представляет написанное им стихотворение, с содержанием которого он, вопреки предупреждающему звонку из ОГПУ, продолжал знакомить друзей и знакомых, Мандельштам ещё больше заводился от мысли, что он может не успеть дать пощёчину Алексею Толстому. Осип Мандельштам предчувствовал свой арест. История с пощёчиной произошла в кон-

це апреля 1934 года в Ленинграде, а вечером 13 мая к Мандельштаму пришли с обыском и арестом.

Эмма Герштейн в своих мемуарах рассказывает, что происходило в квартире Мандельштама после ареста поэта:

«Десять дней мы мучились догадками: за что взяли Мандельштама? За пощёчину Алексею Толстому? Или за стихи?

Приходила я в Нащокинский так часто, как могла, — в свободное от работы время. На лестнице была слежка. Постоянно полуоткрытые двери квартир: то домработница с кем-то беседует, то какая-нибудь парочка любезничает.

Вскоре в писательском доме заговорили про Мандельштамов: «У них собирались». Хуже обвинения быть не могло. Если «собирались», значит, «группа» или «заговорщики».

Через 10 или 15 дней Надю вызвали по Лубянку. Следствие закончено. Мандельштам выселяется на три года в Чердынь. Если он хочет, она может его сопровождать.

Мы сидели в Нащокинском и ждали возвращения Нади. Она пришла потрясённая, растерянная. Ей трудно было связно рассказывать.

— Это стихи. «О Сталине», «Квартира» и крымское («Холодная весна...») Мандельштам честно, ничего не скрывая, прочёл все три. Потом он их записал.

— Как? С последними двумя строчками?! Ведь он их отменил! — это я вскричала.

– Прочёл и записал все целиком. Запись стихов о Сталине уже лежала у них на столе.

Это она узнала от самого Осипа. Она видела его. Рассказала с душераздирающей нежностью: «Как он кинулся ко мне! «Наденька, что со мной делали!» По Надиным словам, у следователей был список того варианта, который был известен только Марии Петровых и записан ею одной.

Его допрашивали об эпиграмме на Сталина: «Кто это «мы»? От чьего имени вы говорите?» Хотели создать дело о контрреволюционной группе. «Мы докладывали в высшую инстанцию», – сказал Наде следователь. Имени Сталина он не назвал, но было ясно, что он цитирует его. «Изолировать, но сохранить», – такова была директива. Это избавляло всех нас от привлечения к делу.

Первыми словами Нади, обращёнными ко мне в отчаянии, были:

– Эмма, Ося вас назвал. – Она смотрела на меня выжидательно и со страхом.

Мандельштам сказал так: стихов о Сталине он никогда не записывал и не распространял, это стихотворение знали только члены его семьи – жена, брат (Александр), брат жены и Эмма Герштейн.

– Поздравляю! Теперь на вас заведено досье, – сказала мне Анна Андреевна, когда мы оказались с ней вдвоём в маленькой комнате. Тогда я была шокирована этими разумными словами Ахматовой. Если бы я могла в ту минуту охватить взглядом последующие

двадцать лет, когда во всех инстанциях, отделах кадров, редакциях, квалификационных комиссиях и в Союзе писателей я слышала только одну фразу: «Вам отказано», – может быть, я бы и призадумалась. Но в тот день мне было не до того.

Надя продолжала. Мандельштам не мог долго отпираться и называл уже не «членов семьи», а всех, кому читал своё стихотворение, в том числе и Марусю Петровых. «А, театралочка», – отозвался следователь, и это казалось Наде подозрительным. Она обвиняла Марусю в том, что ещё до ареста Мандельштама она забыла на подоконнике машинописный список его «Новых стихов», подаренных ей Надей. «И зачем она тут ходит и ломает руки?» – раздражалась Надя.

Свои опасения она высказала как бы от имени Осипа Эмильевича. Но, после того как Анна Андреевна повидалась с ним в Воронеже и выслушала от него самого историю допросов, подозрения относительно Маруси Петровых были раз навсегда сняты. До самой своей смерти Анна Андреевна встречалась с нею, и дружба их все последующие годы осталась неомрачённой.

Надя была в полубреду. Она произносила имена Г. Шенгели и В. Нарбута с какими-то подозрениями (оказывается, и им Осип читал своё стихотворение). А кого уж тут подозревать, если я знаю теперь 14 слушателей, а где гарантия, что их не было больше? Так, художник А.Г. Тышлер утверждал, что Мандельштам читал ему эти стихи в присутствии нескольких людей.

О некоторых слушателях Мандельштама я узнала только в Воронеже (об Ахматовой, Пастернаке, Кузине), а о том, что стихи о Сталине были известны и Льву Гумилёву (от чего специально предостерегал меня Мандельштам), я узнала лишь от Анны Андреевны через двадцать лет».

Как писала позднее Надежда Мандельштам, Илья Эренбург не признавал стихов о Сталине, называя их «стишками» и случайными в творчестве поэта.

Еще резче выразился Б.Л. Пастернак. Выслушав стихотворение из уст автора, Борис Леонидович просто отказался обсуждать его достоинства и недостатки:

«То, что вы мне прочли, не имеет никакого отношения к литературе, поэзии. Это не литературный факт, но акт самоубийства, которого я не одобряю и в котором не хочу принимать участия. Вы мне ничего не читали, я ничего не слышал, и прошу вас не читать их никому другому».

Надо сказать, что если Эмма Григорьевна не видит возможности найти стукача среди тех людей, которым Мандельштам читал своё стихотворение, то для самого Осипа Эмильевича это было сделать куда проще. Достаточно было отделить тех, кому он читал свои стихи до предупреждающего звонка из ОГПУ, от тех, кому они стали известны уже после того, как он принял решение не реагировать на полученное им предостережение.

Правда, есть ещё и хорошо прослушивающиеся стены писательского дома. Поэтому, если в ноябре 1933 года Эмму Герштейн Мандельштам пригласил к себе, чтобы ознакомить её со стихотворением про Сталина, то с приехавшей в Москву Анной Ахматовой поэт говорил об этом стихотворении на февральских московских улицах.

Осип Эмильевич постоянно влюблялся в красивых женщин, и о том, что он был влюблён в красавицу Марусю Петровых, прямо написано в мемуарах Герштейн. Поэтому её, так же как и Льва Гумилёва, он первоначально должен был оберегать от знакомства с этим стихотворением. Видимо, Петровых была среди тех, кто уже после предостерегающего телефонного звонка из ОГПУ был ознакомлен с текстом стихотворения. Думаю, именно этим доводом Мандельштам убедил приехавшую к нему в воронежскую ссылку Ахматову в непричастности Петровых к его аресту.

В цитируемых выше отрывках из мемуаров Герштейн были два момента, когда Эмма Григорьевна, по её словам, крайне удивилась услышанному. Первый раз она удивилась, когда из реплики Надежды Яковлевны узнала, что Нине Николаевне Грин не только известно об этом стихотворении, но что Нине Николаевне больше нравится не первый, а второй вариант. Второй раз Эмма Григорьевна пишет о своём удивлении, когда Осип Эмильевич на следствии записал стихотворение «с последними двумя строчками».

Эмма Герштейн об этом прямо не пишет, но из её воспо-

минаний следует, что последними строчками и различаются два варианта стихотворения Мандельштама. Чтобы сохранить стихотворный ритм, приведу последние четыре строчки этого широко известного сейчас стихотворения:

Как подкову, кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него — то малина
И широкая грудь осетина.

Но ведь Сталин не осетин! И фамилия у него чисто грузинская — Джугашвили. Поэтому перед нами не первоначальный вариант, а другой, более поздний, второй вариант стихотворения. Дело в том, что первоначальный вариант содержит крайне оскорбительное высказывание в адрес Сталина. В первоначальном варианте две последние строчки звучат так:

Что ни жизнь у него — то малина
И широкая жопа грузина.

Вот такой «каламбур» — который, по словам булгаковского Воланда, «*был не совсем хорош*», — сочинил Мандельштам в ноябре 1933 года. Именно с этим первым вариантом Осип Эмильевич ознакомил Эмму Герштейн и, испытывая радость, говорил ей, что «это комсомольцы будут петь на улице... в Большом театре... на съезде».

Одного только не учёл воодушевлённый поэт: чтобы комсомолыцы пели эти стихи на улице, в театре или на съезде, надо, чтобы они для начала выучили текст стихотворения. А так как текст этого стихотворения никто не напечатает, то Михаил Афанасьевич, с присущим ему юмором, указал в тексте своего романа единственный способ его распространения – написать текст стихотворения на стене общественного туалета среди других аналогичных ему текстов.

В тот день, когда стало известно, что рассмотрение дела Мандельштама закончено и вечером Осип Эмильевич отправится поездом в Чердынь, кто-то из тех, кто находился тогда в квартире Мандельштама, вспомнил, что в былые времена было принято собирать деньги каторжанам. Идея понравилась, и Анна Ахматова, которая за день до ареста Осипа Эмильевича приехала в Москву, вместе с Ниной Олышанской отправилась по квартирам собирать деньги для ссыльного поэта.

Судя по тому, как это описано в воспоминаниях Ахматовой, можно сделать вывод, что Михаил Афанасьевич, выслушав пришедших к нему Анну Андреевну и Олышанскую, денег Мандельштамам не дал. Но вот его жена, Елена Сергеевна Булгакова, которая пришла домой чуть позже, услышав о просьбе помочь семье ссыльного, тут же раскрыла сумочку и отдала всё, что было, из своего кошелька. Вот как об этом вспоминала Анна Ахматова:

«Всё было кончено, Нина Ольшанская и я пошли собирать деньги на отъезд. Давали много. Елена Сергеевна Булгакова заплакала и сунула мне в руку всё содержимое своей сумочки».

Текст романа «Мастера и Маргариты» свидетельствует, что Булгаков, который начинал свою трудовую деятельность врачом, вместо денег дал тем, кто решил вспомнить о былых временах, простой совет: попить валерьяночки и успокоиться.

В следующей главе подробно разберём, как кутерьма в писательском доме вокруг ареста Мандельштама и сбора для него денег описаны в романе.

Глава 1.4

Кутерьма в романе и в писательском доме

Бухгалтер варьете Василий Степанович Ласточкин после посещения Комиссии зрелищ и увеселений облегчённого типа, где его встретила испуганная секретарша и сообщила, что руководитель пропал и вместо него за рабочим столом сидит один костюм, отправляется в филиал этой Комиссии в Ваганьковский переулок.

«Несколько посетителей, в числе их только что явившийся Василий Степанович, стояли в оцепенении и глядели на плачущую барышню за столиком, на котором лежала литература, продаваемая барышней. В данный момент барышня никому ничего не предлагала из этой литературы и на участливые вопросы только отмахивалась, а в это время и сверху, и снизу, и с боков, из всех отделов филиала сыпался телефонный звон по крайней мере двадцати надрывающих-ся аппаратов».

Не случайно разъяснения о случившемся в филиале будет давать барышня, продающая литературу. Ведь Булгакову подробности ареста Мандельштама станут известны от Анны Ахматовой, с которой у писателя установились доверительные отношения с момента знакомства в Ленинграде в

мае 1933 года у художника Радлова. Анна Андреевна в своих воспоминаниях «Листки из дневника (О Мандельштаме)» пишет, что в тот приезд в Москву ей пришлось, фактически, торговать своими стихами, потому что на обратный билет у неё не было денег:

«13 мая 1934 года его (Мандельштама. – А.Р.) арестовали. В этот самый день я после града телеграмм и телефонных звонков приехала к Мандельштамам из Ленинграда (где незадолго до этого произошло его столкновение с Толстым). Мы все были тогда такими бедными, что, для того чтобы купить билет обратно, я взяла с собой мой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний, данный Ремизовым в России (мне принесли его уже после бегства Ремизова – 1921 г.), и статуэтку работы Данько (мой портрет, 1924 г.), для продажи...»

Герштейн пишет, что первоначально не было даже известно, за что Мандельштама арестовали: за стихи или за пощёчину. Поэтому продающая литературу барышня (а в реальных событиях продающая литературу барышня является Анной Ахматовой, которая вынуждена была продать и полученный от Ремизова орден, и статуэтку работы Данько) на участливые вопросы о том, что произошло, могла только отмахиваться. Но Осип Эмильевич был заметной фигурой в литературной Москве, и весть о его аресте очень быстро распространилась среди творческой интеллигенции. Понятно, что все хотели узнать от тех, кто жил близко от места событий,

что же такое произошло в Нащокинском переулке? Поэтому в квартирах писательского дома постоянно звонили телефоны.

«Поплакав, барышня вдруг вздрогнула, истерически крикнула:

– Вот опять! – и неожиданно запела дрожащим сопрано:

Славное море, священный Байкал...

Курьер, показавшийся на лестнице, пригрозил кому-то кулаком и запел вместе с барышней незвучным, тусклым баритоном:

Славен корабль, омулёвая бочка!..

К голосу курьера присоединились дальние голоса, хор начал разрастаться, и наконец песня загрела во всех углах филиала. ...Аккомпанировал хору усиливающийся треск телефонных аппаратов».

О том, кто этот «курьер», догадаться нетрудно: как рассказывает в своих мемуарах Эмма Герштейн, помогая Мандельштаму в истории с Алексеем Толстым, Лев Гумилёв постоянно мотался между Москвой и Ленинградом.

То, что петь начинает девица, после чего вступает курьер, тоже неудивительно. Ведь Анна Андреевна и её сын Лев Николаевич Гумилёв были, по сути, первыми, с кого начался, образно говоря, «хор» приверженцев Мандельштама, пропи-

савшихся у гостеприимных хозяев в писательском доме.

«Гей, баргузин... пошевеливай вал!..»

Орал курьер на лестнице.

Слёзы текли по лицу девицы, она пыталась стиснуть зубы, но рот её раскрывался сам собою, и она пела на октаву выше курьера:

Молодцу плыть недалеко!»

Не случайно по лицу девицы текут слёзы. Молодцу-курьеру плыть действительно *недалеко*. Очень скоро Лев Гумилёв дома за обедом, на котором присутствовали посторонние, прочтёт стихотворение Мандельштама про «кремлёвского горца» – думаю, прочитал тогда Лев Николаевич даже не всё стихотворение, а только последние несколько строчек, которые без труда остаются в памяти, – но и этого будет достаточно, чтобы и его, и Пунина, у которого в то время жила Анна Ахматова, арестовали.

Чтобы вызволить Пунина и сына, Анна Андреевна бросится в Москву, надеясь найти там поддержку. И такую поддержку она найдёт в семье Булгаковых, которые помогут ей составить и передать в Кремль обращение, после чего и Пунина, и Льва Гумилёва освободят. Чуть позже письмо с просьбой вмешаться в судьбу арестованных было отправлено Пастернаком. Но к тому моменту, когда письмо Пастер-

нака поступило на рассмотрение, в Ленинград уже была дана команда Пунина и Гумилёва освободить.

«Поражало безмолвных посетителей филиала то, что хористы, рассеянные в разных местах, пели очень складно, как будто весь хор стоял, не спуская глаз с невидимого дирижёра.

Как только первый куплет подошёл к концу, пение стихло внезапно, опять-таки как бы по жезлу дирижёра. Курьер тихо выругался и скрылся».

Когда пришло известие, что Мандельштам арестован всё-таки за стихи, а не за пощёчину, и «хористами» было принято решение собирать ссыльному поэту деньги, Льва Гумилёва в Москве не было. Он после истории в ленинградском издательстве всё время находился в Ленинграде и в Москве не появлялся. Чтобы точно обозначить, что «курьером» в его романе является именно Лев Гумилёв, Булгаков шифрует его поведение словами: *«Курьер тихо выругался и скрылся»*. Ведь без этого короткого замечания в рассказе повествователя была бы неточность, а неточностей в своём романе писатель избегал. Дело в том, что в конце эпизода всех «хористов» увезут на трёх грузовиках. Как же можно было увезти конкретного человека – курьера, если в тот момент прототип этого курьера находился в Ленинграде! Но и совсем убрать курьера из этого эпизода Булгаков не может, так как вскоре Лев Николаевич будет арестован, а для автора романа важно, чтобы песню каторжан исполняли и мать, и сын.

То, что курьер, прежде чем пропасть, *выругался*, тоже, видимо, соответствует действительности. После того как Осип Эмильевич всё-таки дал пощёчину Алексею Толстому, Лев Гумилёв наконец понял, в какую авантюру он был втянут Мандельштамом, поэтому больше в Москве не показывался. В своих воспоминаниях об Анне Ахматовой Эмма Герштейн пишет, что дело на Льва Гумилёва открыли в 1934 году. Но за чтение стихотворения о Сталине он был арестован в октябре 1935 года, а это значит, что вернувшаяся с Лубянки Надежда Яковлевна Мандельштам просто обманывала, когда говорила, что Осипа Эмильевича арестовали за стихи, а не за пощёчину. Обманывала, видимо, для того чтобы успокоить находящуюся рядом Анну Андреевну. Этот небольшой эпизод с появившемся и скрывшемся курьером показывает, насколько точно Михаил Булгаков старается передать реальные события в своём зашифрованном романе.

«Тут открылись парадные двери, и в них появился гражданин в летнем пальто, из-под которого торчали полы белого халата, а с ним и милиционер.

– Примите меры, доктор, умоляю! – истерически крикнула девица».

Читатели знают, что действие романа происходит в жаркой Москве, но появляющийся в филиале доктор одет в летнее пальто, и узнать, что это доктор, можно только по выступающим краям белого халата. Но и Михаил Афанасьевич Булгаков писателем стал по призванию, а по образованию

он врач, который с отличием окончил медицинский факультет Киевского университета. То есть за писательской внешностью Булгакова можно, образно говоря, всегда разглядеть белый врачебный халат.

А где же Елена Сергеевна Булгакова, которая достала кошелек из сумки и отдала оттуда все деньги? В окончательной редакции романа её в этой сцене нет. Но в более раннем варианте («Фантастический роман»), через полстраницы после появления врача, *«явился лекарский помощник с сумкой»*.

То, что именно девица, которая торговала литературой, первая обратилась к вошедшему доктору, тоже неслучайно. Не Ольшанская, которая с Анной Андреевной отправилась по квартирам собирать для Мандельштама деньги, а Ахматова, которая была близко знакома с Булгаковым, могла предложить напарнице обратиться с просьбой о деньгах к Михаилу Афанасьевичу.

«На лестницу выбежал секретарь филиала и, видимо сгорая от стыда и смущения, заговорил заикаясь».

Чтобы понять, почему в романе Булгакова Ольшанская названа секретарём, надо несколько слов сказать о самой Нине Антоновне. Эта молодая и очень красивая женщина жила со своим вторым мужем Виктором Ардовым и сыном от первого брака Алёшей Баталовым в одном подъезде с Осипом Эмилевичем. Мандельштамы жили на пятом этаже, а семья Ардова – на первом. Когда Лев Гумилёв первый раз приехал из Ленинграда в новую квартиру Мандельштамов,

то оказалось, что ему негде ночевать. Осип Эмильевич обратился к Нине Антоновне с просьбой помочь с размещением Льва Гумилёва. Та согласилась. Через некоторое время с Ниной Ольшанской познакомилась и приехавшая из Ленинграда Анна Ахматова. Так завязалась крепкая дружба этих двух женщин. По воспоминаниям Эммы Герштейн, если кому и доверяла свои секреты Анна Андреевна, то это была только Нина Ольшанская.

Но ни Нина Антоновна, ни её муж Виктор Ардов не были среди тех, кто входил в близкий круг общения Осипа Мандельштама, то есть они не входили в круг «хористов». То, что Ольшанская в тот день пошла собирать деньги вместе с Ахматовой, объясняется, в первую очередь, её дружбой с Анной Андреевной. При этом она выступала скорее как общественница – что-то вроде старшего по подъезду, – а не как член созданного Мандельштамом «хора». Чтобы выделить некий официальный статус пришедшей с Анной Андреевной Ольшанской, Булгаков называет её секретарём. То, что в тексте романа этот секретарь – мужчина, большого значения не имеет. Это вполне допустимый приём при шифровке такого сложного произведения, как «Мастер и Маргарита», ведь секретарь далеко не главный герой этого романа.

«– Видите ли, доктор, у нас тут случай массового какого-то гипноза... Так вот, необходимо... – Он не закончил фразы, стал давиться словами и вдруг запел тенором: Шилка и Нерчинск...»

– Дурак! – успела выкрикнуть девица, но не объяснила, кого ругает, а вместо этого вывела насильственную руладу и сама запела про Шилку и Нерчинск».

Ольшанская (секретарь), видимо, начала разъяснять Булгакову необходимость сдать деньги на помощь осуждённому Мандельштаму. Но для писателя, который понимал, что сдать сейчас деньги – это косвенным образом согласиться с текстом написанного Осипом Эмильевичем стихотворения про Сталина, доводы Ольшанской звучат, как песня каторжан про Шилку и Нерчинск, ведь эту песню очень скоро может запеть каждый, кто чем-то выразит свою симпатию к ссыльному поэту.

Ахматовой (девице) кажется, что Ольшанская в своих разъяснениях несколько перестаралась. Девике разъяснения секретаря не нравятся, поэтому в тексте романа у девицы вырывается крик: «Дурак!» После этого Анна Андреевна решила дать свои пояснения о необходимости сбора денег, но... но все её слова звучат для Булгакова всё той же старой каторжанской песней про Шилку и Нерчинск.

«– Держите себя в руках! Перестаньте петь! – обратился доктор к секретарю.

По всему было видно, что секретарь и сам бы отдал что угодно, чтобы перестать петь, да перестать-то он не мог и вместе с хором донёс до слуха прохожих в переулке весть о том, что в дебрях его не тронул прозорливый зверь и пуля стрелка миновала!

Лишь только куплет кончился, девица первая получила порцию валерьянки от врача, а потом он побежал за секретарём к другим – поить их».

Конечно, в том разговоре с Ахматовой и Ольшанской Булгаков не восклицал: «Перестаньте петь!» и Ахматова не называла душой Нину Антоновну. Просто Михаил Афанасьевич в свойственной ему гротесковой манере отобразил в тексте романа психологический настрой того разговора.

Судя по тексту этого эпизода, к Ольшанской (секретарю) обратился Булгаков с призывом успокоиться (*«держите себя в руках!»*) и перестать провоцировать людей сбором денег для политического ссыльного (*«перестаньте петь!»*). Ведь Булгаков знает, что Ольшанская не член «хора». Его пасынок Серёжа Шиловский дружит и играет во дворе с сыном Ольшанской Алёшей Баталовым. Знает, что Нина Антоновна не пропитана культом Мандельштама, прекрасно жила без его стихов и идей и сейчас собирает деньги с жильцов только потому, что пошла вслед за Ахматовой. Поэтому в тексте романа именно к секретарю обратился доктор: *«Держите себя в руках! Перестаньте петь!»* Но в реальном разговоре Булгаков, конечно, был не столь краток и разъяснил, почему надо перестать собирать деньги. И когда Ольшанская выслушала обоснованный отказ сдать деньги, то *«по всему было видно, что секретарь и сам бы отдал что угодно, чтобы перестать петь»*.

Другое дело – Анна Ахматова. Но Анна Андреевна, когда

шла к Булгакову, никак не ожидала встретить отказ, тем более в такой категоричной форме. Как видно из текста романа, столь резкая позиция Михаила Афанасьевича, с которой Ахматова столкнулась, на поэтессу в некотором роде действовала (*девица первая получила порцию валерьянки от врача*). Обратите внимание, в следующем эпизоде именно Ахматова (девица) будет рассказывать историю появления мандельштамовского «хора» в Нащокинском переулке.

Чтобы отделить в тексте романа один реальный эпизод – сбор денег – от другого реального эпизода – истории появления Мандельштама в писательском доме, Булгаков вставляет между этими двумя зашифрованными историями короткую реплику бухгалтера Варьете.

«– Простите, гражданочка, – вдруг обратился Василий Степанович к девице, – кот к вам чёрный не заходил?..

– Какой там кот? – в злобе закричала девица. – Осёл у нас в филиале сидит, осёл! – и прибавила к этому: – Пусть слышит! Я всё расскажу, – действительно рассказала о том, что случилось».

Рассказывая в своих мемуарах о вселении Мандельштама в писательский дом, Эмма Герштейн пишет, что не знает, «кто внёс за него деньги за квартиру и вообще был ли сделан паевый взнос». Но зато не только члены писательского кооператива – а Михаил Булгаков в их числе, но и Анна Андреевна Ахматова знали, что здесь не обошлось без Николая Ивановича Бухарина, который многие годы оберегал и, мож-

но сказать, пестовал Осипа Эмильевича. В частности, когда Мандельштам вконец измучился, выгребаясь из долгой истории с «переводом» «Уленшпигеля», именно Николай Бухарин организовал ему две творческие командировки в Армению и отдых в правительственной санатории на Чёрном море. Причём и в Армению, и в санаторий Осип Эмильевич ездил не один, а с женой.

«Оказалось, что заведующий городским филиалом, «вконец разваливший облегчённые развлечения» (по словам девицы), страдал манией организации всякого рода кружков.

– Очки втирал начальству! – орала девица».

Бухарин известен был как теоретик марксизма и создатель «Школы молодых марксистов». Эта школа существовала в конце 20-х – начале 30-х годов, и вместе со школой по всей стране заработали кружки политпросвещения, где изучали новую «религию» – марксизм, над развитием теоретических основ которого как раз и работал Николай Бухарин. Ведь считалось, что марксизм лежит в основе всех наук, поэтому для решения любых задач необходимо опираться на марксизм.

«В течение года заведующий успел организовать кружок по изучению Лермонтова, шахматно-шашечный, пинг-понга и кружок верховой езды. К лету угрожал организацией кружка гребли на пресных водах и кружка альпинистов».

Бухарин в общении с людьми держал себя просто, он и одевался просто, в лидеры не лез, поэтому в стране его люби-

ли. Стоит сказать, что Николай Иванович организовал массовое восхождение на Эльбрус, и об этом сообщали тогда центральные газеты, размещая фотографии участников восхождения рядом с Николаем Бухариным. (Не знаю, участвовал ли сам Бухарин в этом восхождении.)

«И вот сегодня, в обеденный перерыв, входит он, заведующий...»

— И ведёт под руку какого-то сукина сына, — рассказала девица, — неизвестно откуда взявшегося, в клетчатых брючонках, в треснутом пенсне и... рожа совершенно невозможная!

И тут же, по рассказу девицы, отрекомендовал его всем обедающим в столовой филиала как видного специалиста по организации хоровых кружков.

Лица будущих альпинистов помрачнели, но заведующий тут же призвал всех к бодрости, а специалист и пошутил, и поострил, и клятвенно заверил, что времени пение берёт самую малость, а пользы от этого пения, между прочим, целый вагон.

Ну конечно, как сообщила девица, первыми выскочили Фанов и Косарчук, известнейшие филиальские подхалимы, и объявили, что записываются. Тут остальные служащие убедились, что пения не миновать, пришлось записываться и им в кружок. Петь решили в обеденный перерыв, так как остальное время было занято Лермонтовым и шашками. Заведующий, чтобы подать пример, объявил, что у него

тенор, и далее всё пошло как в скверном сне».

Не является секретом, что многие из тех, кто вёл дружбу с Мандельштамом, оказались членами его «хора» не из-за любви к поэзии, а потому, что Осипу Эмильевичу покровительствовал Николай Бухарин, которого Ленин назвал любимцем партии.

Девушка рассказала, что и *«заведующий, чтобы подать пример, объявил, что у него тенор»*. Сказано об этом в тексте романа неслучайно. На Первом съезде Союза писателей в 1934 году Николай Бухарин сделал большой доклад «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР». То есть высказался по тем темам, которые были близки руководителю «хора» Осипу Мандельштаму. Правда, доклад Бухарина подвергся достаточно резкой критике уже во время писательского съезда.

«Клетчатый специалист-хормейстер проорал:

– До-ми-соль-до! – вытащил наиболее застенчивых из-за шкафов, где они пытались спастись от пения, Косарчуку сказал, что у него абсолютный слух, заныл, заскулил, просил уважать старого регента-певуна, стучал камертоном по пальцам, умолял грянуть «Славное море».

Обратите внимание, в зашифрованном романе регент-певун даже не просил, а *«умолял грянуть «Славное море»*. То есть умоляет спеть песню каторжан. Случай с Эммой Герштейн, которую, без её согласия, семья Мандельштамов выбрала для передачи потомкам текста стихотворения про Ста-

лина, тому пример.

«Грянули. И снова грянули. Клетчатый действительно понимал своё дело. Допели первый куплет. Тут регент извинился, сказал: «Я на минутку!» – и... исчез. Думали, что он действительно вернётся через минуту, но прошло и десять минут, а его нету. Радость охватила филиальцев – сбежал.

И вдруг как-то сами собой запели второй куплет. Всех повёл за собою Косарчук, у которого, может быть, и не было абсолютного слуха, но был довольно приятный высокий тенор. Спели. Регента нету! Двинулись по своим местам, но не успели спеть, как, против своего желания, запели. Помолчат – грянут! Тут сообразили, что беда. Заведующий заперся у себя в кабинете от сраму».

Мандельштама арестовали за то, что, вопреки предупреждению, продолжал знакомить людей с написанным им стихотворением. Но и после ареста Осипа Эмильевича «хористы» сбором денег среди знакомых и соседей продолжают делать то, что ранее делал Мандельштам. Ведь те, кто сдал деньги, чтобы помочь семейству Мандельштамов, ещё долго будут выяснять, что это за стихотворение, из-за которого поэта отправили в далёкую Чердынь? Поэтому хор на страницах романа Булгакова звучит не умолкая.

Сразу после ареста Мандельштама Ахматова сообщила об этом Пастернаку, и Пастернак связался с Бухариным. Но... никакой действенной помощи любимец партии Николай Бухарин Мандельштаму не оказал. Как сказано в зашифрован-

ном тексте романа:

«Заведующий спрятался у себя в кабинете от сраму».

«Тут девицын рассказ прервался. Ничего валерьянка не помогла».

Деньги всё-таки собрали и передали их жене Мандельштама Надежде Яковлевне. Да и куда их можно было деть! Не разносить же деньги обратно по квартирам.

«Через четверть часа к решётке в Ваганьковском подъехали три грузовика, и на них погрузили весь состав филиала во главе с заведующим.

Лишь только первый грузовик, качнувшись в воротах, выехал в переулок, служащие, стоявшие на платформе и держащие друг друга за плечи, раскрыли рты, и весь переулок огласился популярной песней. Второй грузовик подхватил, а за ним и третий. Так и поехали».

В последних двух абзацах Михаил Афанасьевич в иносказательной манере сообщает тот факт, о котором позднее ему рассказала Анна Ахматова: денег для Мандельштамов в тот раз собрали много.

Глава 1.5

Гелла

Среди тех, кто вместе с Воландом появился в Москве, мы видим Коровьева, кота Бегемота, Азazelло и Геллу. Но среди тех, кто вместе с Воландом покидает Москву, Геллы нет. Поэтому неизвестно, в кого превратилась бы рыжеволосая ведьма во время бегства нечистой силы из российской столицы. Это должно было затруднить поиск прототипа Геллы, но, оказывается, Гелла достаточно легко расшифровывается.

Что читатели узнают о Гелле со страниц «Мастера и Маргариты»? Практически ничего. Мы только знаем, что во всех эпизодах с участием Геллы она появляется голой, что *«сложением девица отличалась безукоризненным, и единственным дефектом в её внешности можно было считать багровый шрам на шее»*. Вот по этим признакам её и надо искать.

Правда, есть ещё одна подсказка, но она не из текста окончательной редакции, а из текста наиболее раннего варианта романа. Вариант носит название «Чёрный маг». В том раннем варианте голая девица появляется, не когда буфетчик приходит к Воланду, а когда его выпроваживают из нехорошей квартиры. Причём шрама на шее у той голой девицы нет. И вот что интересно: нет в том раннем варианте такого важного для сюжета «Мастера и Маргариты» персонажа, как Коровьев.

Если предположить, что из-за появления в более поздних редакциях Коровьева на шее голой девицы появляется ужасный шрам, то это наводит на мысль, что ведьма в ранней редакции романа – это просто ведьма (так же, как и коты в самых ранних редакциях были просто котами), а женщину, послужившую прообразом голой девицы со шрамом на шее, следует искать в кругу знакомых Мандельштама.

Но, как мы убедились при расшифровке образа Коровьева, Булгаков в романе ничего не выдумывает, он пишет только о тех людях, чьи поступки ему доподлинно известны. Поэтому женщина, которая скрывается за образом Геллы, должна быть хорошей знакомой и Булгакова, и Мандельштама. Но единственная женщина, которая входит в круг общения и Мандельштама, и Булгакова, это Анна Ахматова.

Тогда возникает вопрос: почему в своём романе Булгаков зашифровал Анну Андреевну таким странным образом – голой, да ещё с багровым шрамом на шее? Чтобы расшифровать эту булгаковскую загадку, достаточно внимательно ознакомиться с биографией поэтессы и при этом обратить внимание на те факты, которые не принято широко освещать в биографиях известных людей.

В 1910 году – после долгих уговоров – Анна Андреева согласилась выйти замуж за Николая Гумилёва. Сразу после свадьбы молодые уехали в Париж. Во время этой поездки – фактически во время медового месяца – произошла случайная встреча поэтессы с итальянским художником Аме-

део Модильяни. Позже Ахматова вспоминала, что итальянец произвёл на неё впечатление, несмотря на странный вид: художник был одет в вельветовые штаны и жёлтую куртку. Его манеры были настолько галантными и безупречными, что Анна забыла обо всём. Вскоре после этого знакомства Гумилёв и Ахматова вернулись домой в Россию.

Однако молодая и стройная Ахматова не выходила из головы у Модильяни, и через полгода Анна Андреевна получила от художника первое письмо. Вслед за первым письмом последовал целый поток писем с просьбой приехать к нему в Париж. Страстные письма дали результат: рассорившаяся к лету следующего года с мужем, поэтесса уехала к Амедео. После нескольких месяцев, проведённых в Париже, Анна Андреевна приняла решение вернуться в Россию, и при расставании художник преподнёс ей прощальный подарок – 16 картин с её портретами. Все эти картины пропали во время Великой Отечественной войны, но Анна Андреевна познакомилась с Булгаковым задолго до её начала, поэтому Михаил Афанасьевич вполне мог те картины видеть, когда приезжал в Ленинград.

В настоящее время судить о том, что было изображено на картинах, можно по сохранившимся эскизам Модильяни, на которых он изобразил Ахматову. Причём некоторые эскизы выполнены в стиле «ню». Таким образом, становится понятно, почему Гелла на страницах булгаковского романа голая. Но отчего на шее у неё появился багровый шрам?

А всё оттуда же – от Амедео Модильяни! Художник умер в 1919 году, и слава пришла к нему уже после смерти. Но любой, кто когда-либо видел созданные им женские портреты, без труда отличит его работы от работ других мастеров портретной живописи. Портреты Модильяни имеют характерное отличие, свойственное только этому живописцу: женщины на портретах Модильяни изображены... с болезненно искривлёнными шеями. Видимо, с такой же болезненно искривлённой шеей художник изобразил и Ахматову на одном из портретов.

Не стоит удивляться, что Анна Ахматова появляется на страницах романа не только в образе девушки, продающей литературу и участвующей в хоровом исполнении песни «Славное море, священный Байкал...», но и в образе ведьмы Геллы. Ведь сюжет «Мастера и Маргариты» строится на фактах из биографии автора романа, поэтому мы ещё не раз столкнёмся с тем, что один и тот же человек скрывается за различными персонажами этого повествования.

В одном из эпизодов «Мастера и Маргариты» Гелла пытается влезть в окно рабочего кабинета финдиректора Варьете Римского. Никаких других значимых действий этот персонаж из свиты Воланда не совершает. К стихотворению Осипа Мандельштама этот эпизод с лезущей в окно ведьмой имеет только косвенное отношение, так как он связан совсем с другой историей, зашифрованной Михаилом Булгаковым на страницах романа. Но нам всё-таки уже сейчас необходимо

выяснить, кто является прототипом Римского, к которому хочет пробраться Гелла – Ахматова. А для этого необходимо несколько слов сказать о директоре театра, где Римский работает.

Глава 1.6

Стёпа Лиходеев и Римский

Уверен, нет человека, который бы не смеялся, читая, как утром в своей квартире пробуждался директор Театра Варьете Степан Аркадьевич Лиходеев после пьяного загула. Стёпа даже не мог вспомнить, вчера ли это было, а если вчера, то где? Прочитирую первую фразу, с которой Булгаков начинает рассказ о разгильдяе-директоре:

«Если бы в следующее утро Стёпе Лиходееву сказали бы так: «Стёпа! Тебя расстреляют, если ты сию минуту не встанешь!» – Стёпа ответил бы томным, чуть слышным голосом: «Расстреливайте, делайте со мною, что хотите, но я не встану».

И чуть дальше, в тексте той же главы, действие которой происходит в «нехорошей квартире», Михаил Афанасьевич так описывает момент пробуждения Степана Аркадьевича:

«Пошевелив пальцами ног, Стёпа догадался, что лежит в носках, трясущейся рукой провёл по бедру, чтобы определить, в брюках он или нет, и не определил. Наконец, видя, что он брошен и одинок, что некому ему помочь, решил подняться, каких бы нечеловеческих усилий это ни стоило».

Над кем же мог так смеяться Михаил Булгаков? Кто послужил прообразом Стёпы Лиходеева? Вы удивитесь, но за образом этого запойного гуляки, который даже не помнит,

что вчера подписал договор с иностранным артистом, а уже на следующее утро об этом забыл, за образом того самого Стёпы, который будет из Ялты давать телеграммы-распоряжения, скрываются не один, а сразу два очень известных человека, имена которых до сих пор с уважением произносят в театральных кругах. Это Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко.

Вопреки укоренившемуся мнению, Булгаков писал не фантастический, а автобиографический роман, и театр, с которым был накрепко связан драматург и актёр Михаил Булгаков, был МХАТ. А отцами-основателями МХАТа как раз и являются Станиславский и Немирович. МХАТ в те годы фактически раскололся и каждый из отцов-основателей, сохраняя видимость единства театра и труппы, руководил своей половиной МХАТа. (Эта ситуация достаточно подробно описана Булгаковым в «Театральном романе».) А так как каждый из отцов-основателей не желал уступать своё место другому, то даже в случае отъезда – в Париж, в Ялту или в подмосковный правительственный санаторий – они телеграммами и телефонными звонками продолжали руководить и административно-хозяйственной, и постановочной работой театра.

Михаилу Булгакову подобная неразбериха в руководстве стала, что называется, боком. Ещё 19 января 1930 года драматург Булгаков читал пьесу о Мольере во МХАТе, и театр принял её к постановке. Постановкой пьесы одно время ру-

ководил один из отцов-основателей, а потом передал постановку другому отцу-основателю. В результате подготовку к показу так бессовестно затянули, что в 1935 году Михаил Афанасьевич хотел забрать пьесу из МХАТа. Только через шесть лет, 16 февраля 1936 года, состоялась премьера «Мольера».

Но ведь денежные отчисления автору пьесы шли не только от приобретения театром пьесы, но и от каждого показа. Поэтому если театр брался за постановку какой-нибудь пьесы, то с театром обговаривался срок, в течение которого должна быть подготовлена премьера спектакля. Но во МХАТе на подобные «пустяки» внимания не обращали, тем более что пьесы Булгакова часто попадали под запрет Главреперткома. И такое безразличие к автору, который не может понять, когда же кончатся бесконечные репетиции и начнётся показ спектакля, не могло не отразиться на отношениях Михаила Афанасьевича и со Станиславским, и с Немировичем, и с Художественным театром в целом. Для примера приведу показательную дневниковую запись жены писателя Елены Сергеевны Булгаковой, где зафиксирован её диалог с мужем:

«13 мая (1934 года. — А.Р.)

15-го предполагается просмотр нескольких картин «Мольера». Должен был быть Немирович, но потом отказался.

— Почему?

— Не то фокус в сторону Станиславского, не то

мечь, что я переделок тогда не сделал. А вернее всего – из кожи вон лезет, чтобы составить себе хорошую политическую репутацию. Не будет он связываться ни с чем сомнительным! А вообще, и Немирович и «Мольер» – всё это осточертело! Хочу одного, чтобы сезон закрылся».

Театральный сезон 1933/34 годов закрылся без премьеры «Мольера». А перед открытием нового сезона ни Михаилу Афанасьевичу, ни Елене Сергеевне совершенно не понятно, что будет со спектаклем, за который театр взялся ещё несколько лет назад. Читаем ещё пару записей из дневника Елены Сергеевны:

«15 августа (1934 года. – А.Р.)

Приехал наконец Станиславский.

Глухо слышно, что «Мольера» он будет выпускать.

Немирович ещё за границей, должен приехать 19 августа. Но сейчас же, как говорят, отбудет в Ялту».

«7 апреля (1935 года. – А.Р.)

М.А. приходит с репетиции у К.С. измученный. К.С. занимается с актёрами педагогическими этюдами. М.А. взбешён – никакой системы нет и не может быть. Нельзя заставить плохого актёра играть хорошо.

Потом развлекает себя и меня показом, как играет Коренева Мадлену. Надевает мою ночную рубашку, становится на колени и бьёт лбом об пол (сцена в соборе)».

Римский в романе потому и финансовый директор, что

Михаил Афанасьевич крайне раздражён, что вместо премьеры и показа пьесы идут бесконечные репетиции «Мольера». Ведь за каждый показ автору начислялось почти 200 рублей, то есть столько же, сколько Булгаков получал каждый месяц за работу в МХАТе ассистентом режиссёра.

Литературовед Владимир Лакшин познакомился с Еленой Сергеевной в первой половине 1963 года. Поводом к знакомству послужила напечатанная в журнале «Новый мир» рецензия Лакшина на книгу Михаила Булгакова о Мольере. Елена Сергеевна позвонила Владимиру Яковлевичу, благодарилась ему за этот отзыв и пригласила в гости. Лакшин после этого ещё не раз бывал у Елены Сергеевны, просматривая архив Булгакова и слушая её рассказы, многие из которых он потом кратко записал. Вот один из них:

«Перед смертью М.А. я не раз наводила его на разговор о театре. Он обожал театр и в то же время ненавидел. Так можно относиться к любимой женщине, которая от вас ушла. Немирович и Станиславский предали его. «Театр, – говорил М.А., кладбище моих пьес. Я его оставляю».

Таким образом, за образом Стёпы Лиходеева в тексте «Мастера и Маргариты» просматриваются отцы-основатели Художественного театра Станиславский и Немирович, а за образом финдиректора Римского – автор романа Михаил Булгаков.

Глава 1.7

Варенуха

Но в романе не только Римский недоволен исчезновением Стёпы Лиходеева. Администратор Театра Варьете Варенуха, сидя в кабинете финдиректора, тоже недоволен неразберихой в театре. Он так же, как и Римский, пытается найти пропавшего Стёпу Лиходеева.

Кто же в романе Булгакова скрывается за образом Варенухи?

Булгаков и Мандельштам жили в одном доме. И тот и другой были далеко не в восторге от того, что происходило за окнами их квартир. Внимательное изучение истории с похищением Варенухи наводит на мысль, что за этим персонажем романа «Мастер и Маргарита» стоит всё тот же Осип Мандельштам.

«Варенуха с портфелем выбежал из кабинета. Он спустился в нижний этаж, увидел длинейшую очередь возле кассы, узнал от кассирши, что та через час ждёт анишлага, потому что публика прямо валом пошла, лишь только увидела дополнительную афишу, велел кассирше загнуть и не продавать тридцать лучших мест в ложах и в партере; выскочив из кассы, тут же на ходу отбился от назойливых контрамарочников и нырнул в свой кабинет, чтобы захватить кепку. В эту минуту затрещал телефон.

– Да! – крикнул Варенуха.

– Иван Савельевич? – осведомилась трубка препротивным гнусным голосом.

– Его нету в театре! – крикнул было Варенуха, но трубка тотчас перебила:

– Не валяйте дурака, Иван Савельевич, а слушайте. Телеграммы эти никуда не носите и никому не показывайте.

– Кто это говорит? – взревел Варенуха. – Прекратите, гражданин, эти шутки! Вас сейчас же обнаружат! Ваши номер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.